

ГОРЕМЫКИНЪ КРАСНЫЙ ДЕНЬ.

Въ раннемъ разсвѣтѣ, какъ въ сумеркахъ, стоять на горѣ небольшое село Пречистенское; крестьянскія избы скучились вокругъ старинной церкви и тѣснятся около нея, какъ лѣзутъ и тѣснятся молодые цыплята къ матери, насѣдкѣ. Вѣковая церковь стоитъ вѣрнымъ, неусыпнымъ стражемъ посреди дѣтей своихъ, и неумолчно призываетъ ихъ къ молитвѣ, къ посту, покаянію и къ радостному соединенію съ Богомъ. Набожные прихожане, въ простотѣ сердецъ своихъ, спѣшать туда со своими ежедневными заботами, кто съ радостью, кто съ горемъ.

Не одно поколѣніе начало и закончило земную жизнь свою подъ ея благословеніемъ, за то, никто не пройдетъ мимо, не снявъ шапки и не помолясь ей. На селѣ изрѣдка кое гдѣ начинается постукиванье дверями; чрезъ низенькій

плетень перелѣзла и спрыгнула на землю десятилѣтняя дѣвочка, бѣленъкая, худенькая, въ рубашкѣ, застегнутой подъ горломъ, и опоясаная шерстянымъ пояскомъ; въ эти годы, у крестьянъ не считается зазорнымъ бѣгать безъ сарафана, но зазорно и непозволительно ходить распояской, — почему ребятишекъ и дразнять: Афанасы безпоясны!

Агаша постояла, поглядѣла на большую дорогу, которая, дальнимъ обѣздомъ, спускалась подъ гору къ мосту, взглянула туда еще разъ, и рѣзвой бѣлкой пустилась по краю откоса, по едва протореной тропинкѣ. Сбѣжавъ до половины, она присѣла, чтобы остановиться; рѣка, какъ расплавленное и остывшее серебро, стояла неколышась, кое-гдѣ поднимался еще бѣлый паръ и тянулся, залегая между прибрежныхъ кустовъ; но не этотъ столь знакомый видъ заставилъ ребенка остановиться: она заслышила у берега плескъ воды. — Боязно! думаетъ Агаша; — не сомь ли это плещется? Да что мнѣ сомь, пожалуй себѣ хоть бы и сомъ, меня онъ

ужь не проглотить, я большая! и дѣвочка опять пустилась съ горы; пробѣжавъ немнога, снова остановилась: — Не русалка ли это? думаетъ она, — ой боязно! и повернувшись назадъ, почти ползкомъ, хватаясь за траву, стала взбираться въ гору.

Чувство холода и страха охватило ее съ головы до ногъ; напрасно въ умѣ мелькаетъ воспоминаніе о томъ, что недавно батюшка священникъ говорилъ, что нѣть на свѣтѣ ни русалокъ, ни домовыхъ, ни лѣшихъ, ни оборотней, что все это сказки, негодныя даже для посидѣлокъ, но простой народъ и дѣти вообще вѣрятъ всему безъ разбору. — Нѣть, это русалка, пра русалка! у—у какая страшная! тихонько, съ плачемъ, про себя шепчетъ дѣвочка. Громко ревѣть она боится; ну, какъ увидить ее русалка да уволочетъ къ себѣ! А между тѣмъ, невольно поворачивая голову и дрожа, смотрить туда, гдѣ плещется вода. Рѣка вся очистилась, туманъ бѣлѣется только межъ кустовъ, да тамъ, далеко за мостомъ; а вода все плещется. — Но кто это у мостковъ? думаетъ Агаша, — пожалуй — это

дѣвки бѣлье полошутъ? Съ этими мыслями, дѣвочка сползла нѣсколько шаговъ внизъ, и вдругъ, бѣгомъ побѣжала къ рѣкѣ, — она узнала старуху Арину, которая изъ-за хлѣба жила на селѣ, то тутъ, то тамъ. Въ одну минуту, Агаша была въ рѣкѣ и плыла, плещась руками и ногами и отдувая ртомъ воду. Трудолюбивая старуха уже встала, какъ чуть забрезжило, взяла рѣшето съ хозяйствской мелкой рыбой и пошла на рѣку ее чистить.

— Здорово, бабушка! сказала Агаша, становясь на ноги передъ мостками; старуха молча кивнула головой. — Ты это, бабушка, что дѣлаешь?

— Вишь, сѣно сгребаю, коротко отвѣчала нищая.

— Нѣть, смѣясь сказала дѣвочка, — ты рыбу чистишь!

— А коли видишь, на что спрашиваешь? съ усмѣшкой сказала старуха, отмахиваясь обѣими руками отъ десятка чаекъ, которыя съ жалобнымъ крикомъ летали по рѣкѣ и кружились надъ мостками.

— Бабушка, а бабушка, чайка—то у тебя изъ рѣшетка ухватила рыбу, — виши понесла! говорила дѣвочка, закидывая голову и слѣдя за птицей, которая,шибко замахавъ крыльями, неслась къ зарѣчью, тогда какъ голодныя товарки ея спускались все ниже и, чуть шевеля крыльями, носились надъ головой старухи.

— Что это за наказанье! ворчала старуха, отмахиваясь ножомъ, — словно собаки прожорливыя!

— Здравствуй, баушка! Здравствуй, Агаша, заговорили двѣ подошедшія дѣвочки.

— Вы отколя? спросила Агаша.

— Съ разрѣчья, за водой ходили, мама больна, такъ баушка Лукерья велѣла сходить на разрѣчье, да до солнышка водицы зачерпнуть.

— Чай боязно—то, матка? сказала Агаша, прижимая къ груди худенькія ручонки.

— Коли чай не боязно! отвѣтила черноглазая бойкая Поля, — вотъ мы съ Параней вмѣстѣ ходили, что страху—то насмотрѣлись! Туда—то шли все ничего, а

какъ оттуда пошли, словно кто за тобой бѣжитъ, да сзади хватаетъ! а въ перелѣсокъ вошли, таково темно стало, да вѣтеръ–то съ листьями да съ пылью такъ въ глаза и дуетъ, а деревья вѣтками такъ–те и хлещутъ, такъ и хлещутъ! на распѣвъ говорила Поля.

— Таково боязно, таково–то боязно! прибавила Параня, — мы почитай половину ведерка расплескали, — все бѣгомъ бѣжали!

— Ни въ жизнь не пойду, ни на перекрестокъ, ни на разрѣчье! говорила Агаша, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— А ты лучше изъ воды–то выходи, виши какъ продрогла! сказала старуха, и прибавила: — нешто не одинъ Богъ тебя бережеть, что на перекресткѣ, что у матери на печкѣ? — Ой вы дѣвки, дѣвки! чѣмъ глупости–то слушать, помолились–бы передъ растворенными царскими дверями, ань матери–то можетъ и полегчало–бы, говорила бабушка Арина, поднимаясь съ рѣшетомъ и очищенной рыбой. Впечатлительная Агаша, услыхавъ о молитвѣ, тотчасъ взглянула на церковь и

вдругъ закричала: — Глядите, глядите, какъ кресты—то засвѣтились, словно звѣзды загорѣлись!

Всѣ оборотились къ горѣ, и смотрѣли, какъ на свѣтло—голубомъ небѣ загорались кресты и золоченые маковицы церкви, супротивъ алой зореньки.

— Баушка, а баушка, съ чего это кресты тѣ завсегда прежде загораются? еще солнышка не видать, а ужь они такъ жаромъ и горятъ! — спрашивала Агаша.

— Чему свѣтить и горѣть какъ не имъ! какъ—бы про себя пробормотала старуха, оканчивая молитву, и спѣшной походкой отправляясь въ село. Двѣ дѣвочки, также перекрестясь, подняли ведро свое, и пошли за ней. Агаша посмотрѣла еще разъ на сіяющіе кресты, завернулась на востокъ и стала вглядываться въ алых полосы зари.

— Агаша! послышалось сверху горы.

— А! отвѣчала дѣвочка, не сводя глазъ съ той точки, гдѣ сильнѣе рдѣлась заря.

— Чего ты тутъ зѣваешь? ужь братъ почитай совсѣмъ снарядился на базарь, — и возъ вывезъ, — смотри, безъ тебя уѣдетъ!

— Я сейчасъ, мама, вотъ сейчасъ влѣзу! отозвалась дѣвочка, карабкаясь въ гору на четверенькахъ; а добравшись до верху, вскочила на ноги и невольно обернулась на востокъ; солнце до половины вышло изъ— подъ земли, рѣка мѣстами поголубѣла и поалѣла, рыба, вскидываясь, заиграла и заплескалась.

— Мама, а мама, гляди, ахъ какая большущая рыба всплеснулась! смотри—ка сколько круговъ по водѣ пошло!

— Да чего говорить, есть мнѣ когда по твоему на рыбу глазѣть, сказала высокая, болѣзненная съ виду женщина, а потомъ, смягчивъ голосъ, прибавила: — иди, иди скорехонько домой, пока братъ не уѣхалъ!

Какъ рѣзвый вѣтеръ понеслась Агаша къ дому, прямо въ огородъ, и живо вернулась оттуда съ цѣлымъ бременемъ луку.

— Эхъ, дочка, укоризненно говорила ей мать, качая головой, — ну, куда тебѣ столько? — нешто мы сегодня все это поѣдимъ!

— Незамай, мама, я это барышнямъ въ городъ гостинца отвезу, вѣдь теперь

луковый постъ, Петровки, только и ъды, что лукъ!

— Небось, чай въ городѣ-то побольше нашего луку, говорилъ четырнадцатилѣтній мальчикъ, влѣзая на возъ съ угольями; — садись что-ли, Агаша, аль мнѣ одному ъхать?

Дѣвочка засуетилась, едва мать поспѣла натянуть на нее сарафанъ и повязать голову бумажнымъ платкомъ, который, по бѣдности ихъ, надѣвался только въ праздники.

— Ну, съ Богомъ, дѣтки! говорила мать, крестясь и глядя имъ вслѣдъ.

— Мама, мама! закричала Агаша, оборачиваясь и указывая на едва взошедшее солнышко, — гляди, словно желточокъ выкатился!

Мать безучастно поглядѣла на восходъ; яркое солнце ослѣтило и безъ того слабые глаза; жмуряясь и потирая ихъ, она глядѣла на уѣзжающихъ дѣтей. Теперь, вся забота, вся радость ея сосредоточилась на нихъ, а прежде бывало, она, какъ нынѣ дочь ея, любила смотрѣть на восходъ и закатъ, на

вѣчно живую измѣнчивую воду, любила носить въ луга отцу и братьямъ обѣдь, любила прятаться въ густой, высокой, душистой травѣ, и лежа навзничь, слѣдить за выющимся вверхъ жаворонкомъ; его ликующая пѣсня поднимала за собою душу ребенка, она безсознательно носилась въ высотѣ, наслаждалась, покоилась дремою новорожденного младенца; иногда, какъ сквозь сонъ, мелькала неясная мысль: что тамъ за этимъ голубымъ небомъ? говорять, тамъ рай, тамъ Богъ... и неразвитая мысль обрывалась и падала какъ падаютъ отяжелѣвшія вѣки на сонные глаза. Чего недоставало этой младенческой душѣ? Наставленія разумнаго священника, рассказовъ изъ слова Божія, неискаженныхъ деревенскими суевѣріями; простая, но мудрая рѣчь пробуждала бы въ ребенкѣ способность связной мысли, при здравыхъ понятіяхъ, пробудила бы духовную жизнь. Но и она прожила жизнь свою, какъ большая часть нашихъ простолюдиновъ, храня за одно преданія вѣры, повѣрій и суевѣрій. Такъ кроткая, и

по—своему набожная Анна подросла; многие изъ крестьянъ, замѣчая трудолюбіе, старались взять ее къ себѣ въ семью. Она вышла замужъ хорошо, счастливо; свекоръ и даже хлопотунья свекровь души не слышали въ ней, семья была зажиточная, но зажиточность нашихъ крестьянъ живеть только безустаннымъ трудомъ, — чѣмъ болѣе въ семье трудолюбивыхъ рукъ, тѣмъ зажиточнѣе она становится. Семья Анны дружно работала и мирно отдыхала; каждый день садилась за мясныя щи и масляную кашу, признакъ довольства крестьянъ; каждый годъ старикъ хозяинъправляль невѣсткѣ хорошій сарафанъ, а старухѣ своей темный платокъ. Лѣтъ черезъ десять такой жизни, старики отжили, осталась Анна съ мужемъ и двумя ребятишками, — и тогда пришла плохая пора: стали они нанимать работниковъ, на плату имъ пошла лишняя одежа, а неурожайный годъ заставилъ еще продать часть скота; все это, какъ говорится, были побѣдушки, а бѣда сама была впереди.

Однажды лѣтомъ, Аннинъ хозяинъ, усталый, жаркій, возвращаясь съ работы и проходя мимо родника, припалъ къ нему и пиль до дрожи. На другой, на третій день онъ не выходилъ на работу: безъ него хлѣбъ сжали, безъ него и свезли на гумно; а тамъ, послѣ уборки еще протянулся онъ до поздней осени и наконецъ умеръ. Вотъ она бѣда-то сущая, что задавила бѣдную женщину. Одна, съ двумя дѣтьми, въ разореномъ хозяйствѣ! Годъ непосильной работы изнурилъ ее. — Дѣтушки, дѣтушки, тоскливо говорила она про себя, — придется вамъ жить круглыми сиротами, безъ отца, безъ матери! У Анны только и на умѣ было, что заботы о дѣтяхъ и хозяйствѣ.

Черезъ полчаса по отправкѣ дѣтей на базарь, она уже шла въ гору съ полными ведрами. Поровнявшись съ церковью, она увидала на церковномъ крыльцѣ бездомную Арину, которая сидѣла пригорюнясь, а около нея лежалъ узелокъ и старый кованый сундучекъ.

— Здорово, тетушка Арина! что ты это съ добромъ своимъ куда собралась?

— А куда же мнѣ дѣваться? Гдѣ голову преклонить? заплакавъ, говорила старуха.

— Нешто Скрыпниковы тебя согнали? у нихъ и старого хлѣба—то полно гумно, стало бы и не на тебя одну!

— Эхъ, Аннушка, Аннушка, не тотъ таровать, кто богать! Хозяинъ—то бы и ничего, да хозяйка упаси Богъ какая! Взъѣлась она на меня сегодня: куда—де ты рыбу подѣвала? я ей Христомъ да Богомъ божусь, что вся тутъ, что только одну рыбешку проклятая чайка изъ—подъ рукъ унесла, а она свое: — полно рѣшето было, говорить, а теперь пальца на два убавилось! Я ей толкую, что вѣстимо потрошеної рыбы меньше покажется, чѣмъ живой; такъ нѣть, ничего въ разумъ не береть! говорить: «ты продала ее, подавай деньги, а не отдашь, такъ изъ дому вонъ!» схватила мою коробейку, вотъ эту, да шарахъ въ двери, а узелокъ такъ на дворъ и вышвырнула!

— Ахъ, матка моя, да что она, бѣлены что ли обѣѣлась! молвила изумленная Анна.

— Коли сегодня объѣлась, такъ знать и вчера, и третьево—дни и споконъ вѣку все ею кормится! ужь такая—то нравная, что и не приведи Богъ! вздыхая, отвѣчала старуха.

— Баушка, ты теперича куда дѣнешься? участливо спросила Анна.

— А Господь не безъ милости, пошлетъ доброго человѣка.

Анна понурила голову. Кабы вѣпрежнее—то время! подумала она; — а теперь мы и сами стали не лучше нищихъ; весь постъ вѣ сухомятку ъдимъ. Поднявъ ведра, она пошла, но вдругъ остановясь, закричала: — Бабушка, коли тебѣ нашъ сиротскій хлѣбъ не противенъ, такъ ступай къ намъ; — изба просторна, только что голодна, во весь постъ варева не видали!

— И—и, мать моя, гдѣ нашему брату харчи выбирать! коли нашелся добрый человѣкъ, что прирѣль сироту, такъ и благодаренѣе Творцу небесному! отвѣчала, крестясь, старуха. — А я тебѣ вотъ что скажу, Анна Герасимовна: стану я на тебя работать не покладающи рукъ, за работника

не наработаю, а вполовину супротивъ его сдѣлаю, вотъ что! и поклонилась Аннѣ въ поясъ.

II.

Почти посреди города стоитъ красивый домъ съ балкончиками въ видѣ фонариковъ, львы на крыльцѣ, деревья въ кадкахъ на лѣстницахъ; но въ нарядномъ домѣ пусто, занавѣсы опущены; господа спятъ, а слуги разбѣжались по разнымъ угламъ; въ дѣтскую посадили караулить соннаго ребенка, маленькую дворовую дѣвочку, а нянюшка ушла на кухню чайничать. Тамъ сидить она за самоваромъ, съ поваромъ и женой его, и распиваетъ чай съ французской булкой; барынина горничная побѣжала мыться и чесать голову въ прачечную: тамъ разсказываетъ она господскія рѣчи, все что слышала, а еще краснорѣчивѣе говорить о томъ, чего и не слыхала. Одна прачка уже съ утра весела, изо всѣхъ силъ мылить бѣлье и во все горло поетъ «Ваньку—Таньку»; другая

щеголиха взяла изъ грязнаго бѣлья барынинъ кисейный капотъ, напялила его на себя и, свивъ жгутомъ кружевные кушачки, крѣпко ими подпоясалась. Во главѣ лакеевъ на дворѣ стоять плутъ—дворецкій и слушаетъ разсказъ дворника про ночную драку на улицѣ.

— Угли, угли, кому угли! кричить мальчикъ съ возу. — Углей, углей, кому углей! повторяетъ за нимъ дѣтскій голосенокъ. Заслыши крикъ: угли, углей! дворецкій пальцемъ показалъ на улицу мальчишкѣ поваренку, который вывертывалъ каблукомъ въ землѣ лунку, и поглядывалъ глубоко ли ее выдавилъ. Чуть не колесомъ пустился онъ на улицу, и привель возъ съ углями передъ самого дворецкаго, который, засунувъ руки въ карманы и закинувъ заспанное лицо, съ—высока поглядѣлъ на ребятишекъ, потомъ спросиль: Березовые? А почемъ?

— Березовые, баринъ, крупные! На цѣнѣ же Киюша запнулся, — ему было хотѣлось взять лишній пятакъ, да сробѣлъ.

— Полтинникъ съ пятакомъ, сказалъ онъ, глядя въ сторону.

— Полтинникъ, да еще и съ пятакомъ! — ахъ ты, деревенщина! Тридцать пять, вотъ что дамъ! Ребята! сказалъ онъ, обращаясь къ дворнику и лакеямъ, — вали кулья, тащи въ амбаръ!

Заслыша такую цѣну, которая и зимою не выгодна, Кирюша ухватился за куль, который уже тащили съ воза, но озорники дворники, съ громкимъ хохотомъ, вывалили мальчишку вмѣстѣ съ кулемъ.

Агаша съ крикомъ бросилась на остальные кули, и старалась защитить ихъ ручонками.

— Ахъ ты, муха эдакая, туда-же! Давайте братцы, оттащимъ и ее въ амбаръ!

— Неужто въ амбаръ? спросила проходившая нянюшка, — у, у, какъ страшно! тамъ бука сидить, онъ ее съѣсть и съ головой и съ руками!

Молодцы подхватили куль, за который уцѣпилась Агаша, и потащили его къ амбараму. Дѣвочка закричала не своимъ голосомъ, Кирюша съ визгомъ бросился

выручать сестру, и громкій залпъ смѣху быль ему отвѣтомъ. Обида, досада и чувство своего безсилія заставили мальчика зарыдать во весь вольный деревенскій голосъ. Тотъ же безсмысленный хохотъ испорченной челяди раздался еще громче.

— Господи Іисусе! что это у васъ въ домѣ творится? словно въ кабакѣ какомъ, ревъ да содомъ! говорила ветхая старушка, выходя на людское крыльцо и отѣняя лицо рукой. — Что тутъ такое? не то таска, не то пляска, — ничего не разберешь! Усмотрѣвъ тутъ дворецкаго, она въ изумленіи крикнула: — Терентій! и все это безчинство при тебѣ дѣется? ай да дворецкій!

— Не извольте сомнѣваться, тетушка, это вонъ, ребята, мужичье ореть! отвѣчалъ дворецкій, боявшійся тетки, какъ огня, зная, что онъ лишь ею держится на своемъ мѣстѣ.

— А вы, жердяи эдакіе! ихъ знать дразнили? продолжала старуха, поискивая глазами дѣтей.

Агаша сидѣла посереди двора, на покинутомъ кулѣ, и тяжело всхлипывала, Кирюша стоялъ потупя глаза.

— Ну, вы чего? сказала тетка дворецкаго, старая господская няня, подходя къ дѣтямъ и глядя прямо въ необсохшіе глаза Агаси.

— Баушка, золотенькая, умильно проговорила дѣвочка, хватаясь за платье старухи, — они у насъ хотятъ уголья отнять, да меня къ букѣ, въ амбаръ запереть!

— Къ букѣ? Ахъ дѣвка, дѣвка! говорила старуха, качая головой, — гляди-ка какая выросла, а буки боится!

— Они, баушка, насъ цѣною больно обижаютъ! подхватилъ мальчикъ, — замѣсто полтинника съ пятакомъ, за тридцать за пять силою кулья постаскали!

— Это взаправду, Терентій, ты бѣдныхъ людей обидѣть хочешь? спросила старушка, пытливо глядя на племянника.

— Помилуйте, тetenька-сь, что я развѣ живодерь какой! мы вотъ всѣмъ обществомъ пошутили, говорилъ дворецкій,

обращаясь во всѣ стороны. — Но общество разбѣжалось: слуги боялись старухи и старались не попадаться на глаза честной, преданной господамъ, женщинѣ.

— Эки шутки—то у васъ какія! ну, ладно, расплачивайся, вѣрно расплачивайся, до копѣйки! А ты, пиголица, пойдемъ со мной, я те потѣшу! Вскорѣ старуха вышла съ Агашей изъ своей комнаты, съ узломъ огурцовъ и съ концомъ пирога.

— Ну что, совсѣмъ ли? спросила старуха Кирюшу, который поднималъ послѣднюю копѣечку, брошенную ему дворецкимъ на земль.

— Совсѣмъ, баушка; спасибо вамъ, золотая! говорилъ мальчикъ, кланяясь въ поясъ.

Кирюша мигомъ вскочилъ въ телегу, и посадилъ сестру на опорожненные кулья; Агаша стала было искать свой лукъ, но напрасно: дворня растащила его по перышку. Лошадь тронулась; проѣзжая мимо старухи, дѣвочка потянулась обнять ее; старая няня подошла къ ней, поцѣловала, погладила по головкѣ и

сказала: — Ну съ Богомъ, умница! кланяйся матери, да не реви, коли кто станетъ тебя букой страшать; — бука и на свѣтѣ не живеть, имъ глупые люди только страшаются маленькихъ дѣтей, коли ихъ надо угомонить чѣмъ!

Телега задребезжала по улицѣ, а старуха все еще задумчиво смотрѣла ей вслѣдъ, знать, вспомнилось ей что-то давнишнее, быть можетъ, свое былое дѣтство въ деревнѣ.

III.

Въ небольшомъ домикѣ, окруженному со всѣхъ сторонъ палисадниками, сидѣть купеческая семья за чаемъ; окна всѣ настежь, — тучный хозяинъ любить прохладу, а въ низенькихъ покойчикахъ уже съ утра душно и жарко.

Передъ хозяйкой стоитъ двухведерный самоваръ, на подносѣ полдюжины чашекъ разной величины и узора, болѣе всего съ надписями, въ родѣ: *кого люблю, того и*

дарю! а самая большая и лучшая стоить передъ хозяиномъ, на ней золотой левъ съ салфеткою въ зубахъ, и надписью: что сильнѣе льва? — любовъ!

Эту чашку Тимоѳей Кузьмичъ подариль самъ себѣ, когда сосваталь свою Татьяну Федотовну, и пить изъ нея девятый годъ.

— А что, Татьяна, вѣдь мука—то эта почище намеднишней будеть? самодовольно говорилъ хозяинъ, свертывая лепешку вчетверо, кусая ее и запивая постнымъ чаемъ. — Ужь я тебѣ говорю, что промаха въ пшеницѣ не дамъ! иная и не такъ чтобы приглядна, а въ размолѣ первый сортъ!

Татьяна Федотовна только и отвѣту дала, что кивнула мужу головой; она во всѣ стороны раздавала полныя чашки, а меньшой сынокъ уже безъ вѣдома ея завладѣлъ приготовленною ему тюрькой.

— Тимошка, что нейдешь чай пить? виши мать ужь давно поставила! На вотъ лепешку!

— Некогда, тятя, отвѣчалъ шестилѣтній мальчикъ, везя нагруженную корзинку и переваливаясь съ боку на бокъ, — надо

пшеницу на мельницу сдать! Марья! громко крикнуль онъ старшей сестрѣ, — иди, принимай воза!

— Не хочу! я ъсть хочу! коротко отвѣчала дѣвочка, не отнимая губъ отъ чашки.

— Да иди же, настоятельно говориль мальчикъ, теребя сестру.

— Не хочу! закричала Маша, отмахиваясь отъ брата.

Досада взяла Тимошу, онъ развернулся и хлопнулъ сестру, Маша взвизгнула, такъ что маленький братъ вздрогнулъ и заревѣль еще громче сестры.

— Ахъ ты, Господи, что за дѣти такія! куска въ покоѣ не дадуть съѣсть! — Тимоѳей Кузьмичъ, сдѣлай милость, уйми своего баловня! говорила хозяйка, утѣшая межъ тѣмъ меньшаго сына и кидая дочери въ утѣху огрызокъ сахару. — Нѣтъ того, чтобы дать отцу, матери въ покоѣ чаю напиться!

Тимоша стоялъ передъ отцомъ, какъ листъ передъ травой, — нарванное ухо горѣло, какъ уголекъ.

— Ты долженъ почитать сестру, она тебѣ старшая, она за тебя уже молитвы читала, какъ ты еще въ люлькѣ слюнями пузыри пускалъ, — вотъ что! Она тебѣ замѣсто отца и матери, какъ если Господь по наши души пошлетъ. Такъ прочиталъ отецъ своему шестилѣтнему сынку.

Машѣ весело было слушать, ей казалось, будто отецъ что-то хорошее про нее говорить, но ей жаль было и брата.

— Тятя, ты его не тронь, вѣдь онъ не больно треснуль, ужь вотъ я ничего и не слышу.

— Ладно, ладно, дочка! иди, Тимоѳей, пей чай, а тамъ вмѣстѣ пойдемъ въ лавку.

Тимоша, бычясь, изъ-подлобья поглядѣлъ на сестру, хотя онъ и слышалъ, какъ она просила за него отца, но сердчишко его еще не совсѣмъ уходило.

— А гдѣ же наша Марья большая? спросилъ хозяинъ, ища глазами племянницу.

— А вонъ тамъ сидить, книжку читаетъ, отвѣчала жена; — такой ей спѣхъ припалъ, что и третью чашку не допила!

— Марья! громко крикнуль хозяинъ, — какую ты книжку читаешь?

На этот зовъ, выглянула изъ другой комнаты двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, кругленькая, бѣленькая, розовая, съ нѣсколько заспанными, сѣрыми глазами.

— Лук.... Лукрецію, кажется, запинаясь отвѣчала она.

— Про Лукрецію? строго сказалъ дядя, — это про ту-то каторжную, что мы на театрѣ видѣли, что и мужа и всѣхъ сродниковъ отравила? И не смѣй у меня въ домѣ держать такой книги!

— Нѣтъ-съ, дядинька, это должно быть другая: я почитай половину книги прочитала, а тамъ ничего этого нѣту, сказала дѣвочка, напрягая всю силу памяти, чтобы уловить что-нибудь изъ прочитанного.

Маша ходила учиться въ пансіонъ, гдѣ всѣ подруги ея были страстныя охотницы до романовъ, которые онѣ читали и дома и въ пансіонѣ. Бѣдныя дѣвочки считали недостаткомъ образованія, тупостю, если какая либо изъ подругъ не дѣлила съ ними

этой страсти и не могла втихомолку бесѣдоватъ о Жоржъ Зандѣ или о теперешнихъ русскихъ журнальныхъ романахъ. До сихъ поръ, старанія ихъ надъ Машей были напрасны; вырощенная грубыми, но богобоязливыми родителями, вовсе не въ романическомъ быту, она не понимала ни завязки, ни смысла романа, а читала его съ большой натугой, чтобы только не отстать отъ другихъ. Наконецъ, ей удалось поймать въ умѣ нѣсколько изъ прочитанного, и она стала безтолково рассказывать дядѣ:

— Эта Лукреція, про которую въ книжкѣ писано, была у своей крестной матери, у барыни, а тамъ, должно быть пріѣхавши куда-то, на театръ пошла; а когда она опять вернулась на свою сторону, то господа какіе-то пріѣхали къ ней въ коляскѣ и привезли конфектъ, а маленькой сынѣ, — такой драчунъ! она и взяла его за руки, да ихъ такъ колѣнками своими и зажала; а послѣ, какой-то господинъ хотѣлъ ее видѣть, либо увидать дѣтей, а господинъ этотъ былъ ея мужъ!

— Такъ она въ разводѣ жила съ мужемъ? спросилъ дядя.

— Должно быть что такъ, — только въ книжкѣ про это не писано.

— Баста! закричалъ Тимоѳей Кузьмичъ, — коли такимъ книжкамъ учать въ пансіонѣ, такъ я плевать на него хочу! Сегодня же мадамѣ скажу: я свою, моль, племянницу, больше къ тебѣ не пущу, да и другимъ закажу! А ты, Танюша, грамотная, все бы полюбопытствовала, что тамъ за книжки Марья читаетъ? вѣдь отецъ-то съ матерью ее на нашу совѣсть отдали!

— Что ты, Тимоѳей Кузьмичъ! да когда эдакую книжищу читать, ее и въ годъ не одолѣешь? Ужь это мадамино дѣло, онѣ за что-нибудь да деньги-то берутъ!

Хозяинъ долго что-то думалъ, потомъ сжимая кулакъ, сказалъ:

— Мадамѣ пакости творить не диво, она ни во что не вѣрюетъ! мадама мадамой и останется! а я бы вотъ за кого взялся, кто такія богомерзкія книги пишеть; говорять, они вонъ что распѣваютъ: родителей слушаться нечего, въ церковь ходить не

надо, да и Бога по ихнему нѣту! Приди такой баринъ ко мнѣ въ лабазъ, да я ему за 100 рублевъ пуда муки не отпушу, — околѣвай собака!

Скрыпучая телега, въѣхавъ во дворъ лабазника, остановилась передъ палисадникомъ, гдѣ на заборѣ стояли вскарабкавшись Маша съ Тимошой.

— Здравствуй, барышня! закричала Агаша съ возу.

— Здравствуй, Агаша! закричали братъ и сестра, — это ты намъ цвѣточковъ привезла? говорили они, протягивая черезъ рѣшетку руки къ большому пучку ярко синихъ васильковъ.

Агаша, видя двѣ протянутыя руки, да помня еще третью, пріостановилась, сѣла на облучокъ и стала разбирать васильки на три доли.

— Мама! кричалъ Тимоша, схвативъ свой первый пучекъ и махая имъ матери, которая подошла въ это время къ окну: — мама, это намъ Агаша привезла васильковъ! намъ всѣмъ и Машѣ, и Машѣ большой также!

— Агафья Дорофьевна, наше вамъ!
шутливо прокричалъ хозяинъ басомъ.

Дѣвочка вскинула голову, кубарикомъ
соскочила съ облучка и нараспѣвъ
проговорила заученую рѣчь:

— Все ли по добру, по здорову? какъ
vasъ Богъ милуетъ, Тимоѳей Кузьмичъ, и
vasъ Татьяна Федотовна?

— А вотъ живемъ да поживаемъ, да
добро наживаемъ!

Запасъ крестьянскихъ привѣтовъ
истощился, дѣвочка молча глядѣла на
высокаго, тучнаго, рябоватаго хозяина и на
плотную половину его.

— А мы лысенку—то твою продали,
сказала хозяйка.

— Ой—ли! закричала испуганная Агаша,
и слезы стали набѣгать ей на глаза, — почто
продали? баловать, пыряться стала?
допрашивала она, не понимая, какъ могли
разстаться съ ея лысенкой?

— Не за порокъ какой, а за красоту
продали твою лысенку! крикнулъ въ
утѣшенье ребенку, хозяинъ.

Но Агаша была неутѣшна.

— Статенушка ты моя, лысенушка! не видать мнѣ тебя, родимая ты моя! причитала она съ плачемъ.

— Дура, чего вопиши? мать родную, что-ли хоронишь? закричалъ нетерпѣливо вспыльчивый хозяинъ.

Дѣти обступили Агашу, мальчикъ притащилъ ей лепешку, съ которой постное масло такъ и стекло; Маша, отнимая руки отъ лица ея, что-то нашептывала ей на ухо; Агаша ей всхлипывая отвѣчала:

— Вѣдь мы съ мамой, почитай, сами вскормили ее! а какъ она, голубушка наша, знала меня! выйду, бывало, въ поле, да крикну: лысенушка, статенушка! а она-то му-у-у-у! а сама ко мнѣ такъ и бѣжитъ, да такъ, словно рожками пырнуть хочетъ, — боязно таково станетъ! а она подбѣжамши въ сторону бокомъ и прискоить, а ко мнѣ тихонечко подойдетъ, да ну лизать, и лицо-то и руки-то, все вылижетъ!

По мѣрѣ того, какъ дѣвочка рассказывала, она успокоивалась.

— Агаша, Агаша, иди скорехонъко въ комнату! кричала, запыхавшись, Маша

большая; — дядинька зоветъ, никакъ онъ что—то дать тебѣ хотеть! у конторки стоять, прибавила племянница шепотомъ.

Обѣ Маши подхватили Агашу за руки и побѣжали черезъ заднее крыльцо, въ спальню. Тамъ, надъ конторкой въ видимой борьбѣ съ самимъ собой, стоялъ хозяинъ; ему хотѣлось дать Агашѣ что нибудь изъ барыши, взятаго за корову; — а многоль дать? вотъ задача совѣсти! Махнувъ рукой и головой, онъ сильно щелкнулъ замкомъ и, доставъ бумажку, весело оборотился къ дѣтямъ:

— А ну, Агаѳья Дороѳьевна, посчитаемся: много ли вы съ насъ денежекъ взяли за коровушку?

Не понимая къ чему дѣло клонится, дѣвочка отвѣчала:

— Сказывали, что три десятка съ половиной!

— А, а! ну, а за сколько я ее продаль, знаешь?

— Нѣтъ, коли мнѣ знать!

— То-то же! Пойди сюда, давай грабли свои, сказалъ Тимоѳей Кузьмичъ, намекая на худенькія руки дѣвочки.

Агаша поняла намекъ и протянула обѣ ладони пригоршней.

— Я взяль за твою лысенку семь десятковъ, на! вотъ тебѣ, барыши пополамъ; — скажи матери, говориль купецъ, укладывая красненькую, синенькую, двѣ желтенькія бумажки, да еще два двугривенныхъ съ гривенникомъ въ растопыренныя руки Агаси. — На! все пополамъ! сказалъ онъ голосомъ побѣдителя.

И подлинно, Тимоѳей Кузьмичъ одержалъ не малую побѣду надъ самимъ собой; онъ долго боролся: дать или не дать, и много-ли дать? немного, — совѣстно, жаль сиротъ, будто ихъ добромъ попользовался, а дать много, — себя жаль; — и за что дѣлиться мнѣ? вѣдь, покупая корову, я не прижималъ ихъ, — что запросили, то и даль! А подумаешь и то: нешто я разживусь съ этихъ денегъ, съ

сиротской доли? А они-то, чай, поди, словно кладу обрадуются.

Агаша, не знавшая счету, но видя что-то много денегъ въ рукахъ своихъ, полѣзла обниматься, потомъ, поклонясь въ ноги, вскочила и побѣжала къ брату, а дѣти за нею.

— Эй, какъ тебя, Агаша! гляди, деньги растеряешь! кричалъ хозяинъ въ догонку; но Агашинъ и слѣдъ простылъ! Тамъ на дворѣ, у отпряженой телѣги, толпится куча дѣтей; посреди ихъ, и выше ихъ всѣхъ, видна Кирюшина голова; она обращенная ко крылечку, то опускается, то поднимается. Накланявшись и наблагодарившись вдоволь издали, мальчикъ еще таки пошелъ благодарить хозяина; а хозяйскія дѣвочки, взявшись съ Агашей за руки, побѣжали въ садъ, рвали цвѣты, щипали горохъ, дергали морковь и, стряхивая съ нея землю, потчивали другъ друга; забѣгали и къ яблонямъ, но завязь оказалась не крупнѣе орѣшка.

Наѣвшись всякой зелени, не только вдоволь, но и съ излишкомъ, какъ это

случается съ дѣтьми, растущими на волѣ, они усѣлись подъ клѣнъ и стали другъ другу разсказывать сказки и побывальщинки. Каждая припоминала и рассказывала самое страшное, что знала, при чемъ всѣ тѣснились и жались другъ къ другу; а чуть зашевелится что въ кустахъ, то всѣ замолкнутъ и долго прислушиваются, не лѣшій ли, не оборотень ли глядить изъ-за чащи? но оттуда никто не смотрить на глупенькихъ дѣвочекъ, тамъ, прячась, лежала только любимица ихъ, кошка, поводя зелеными глазами за птичками.

— Агаша, чай страшно въ лѣсу у васъ? спросила Маша большая.

— Коли те не страшно! отвѣчала Агаша, припоминая вздорные разсказы другихъ: — а ино, прибавила она, — хорошо таково тамъ бываетъ: солнышко чуть сквозить, холодокъ, пичужки всякия поють, кукушечка кукуеть на деревѣ сидя, да на травку кровавыя слезки роняетъ: а слезки тѣ, ни въ жизнь изъ травки не выцвѣтуть, — такъ кровавыми пятнышками и стоять!

— О чём—же кукушка плачетъ?
спросилъ Тимоша.

— О томъ и скучаетъ и плачетъ она, что нѣтъ у ней родимаго гнѣздышка; а нѣтъ у нея гнѣзда, баетъ народъ, оттого, что грѣха не побоялась, въ самый большой праздникъ, въ Благовѣщеніе, гнѣздо завила; а въ этотъ день не токмо что человѣкъ, а ни одинъ звѣрь за дѣло не берется!

Повѣре это родилось въ народѣ и передается искони, для выраженья всей святости этого великаго праздника.

— Развѣ у кукушки никогда не бываетъ гнѣзда? спросили дѣти въ голосъ.

— Николи ни одна кукушечка не завиваетъ себѣ гнѣздышка, а, сидя на деревѣ, скучаетъ, все кукуеть, да кукуеть, да кровавыя слезки роняетъ!

— А какія у нея башмачки хорошия! сказала Агаша, переходя изъ заунывнаго голоса въ живой, веселый, — онѣ растутъ въ самой чащѣ, въ тѣни, аленъкіе, словно яичко ко Христову дню, — а по алому—то бѣлыя крапины; душистые—раздушистые,

такъ бы ничкомъ припала къ нимъ, да все бы нюхала! — Вѣ лѣсу хорошо! продолжала она, припоминая прохладу и тишину его: — ключъ течетъ чистый, студеный, а деревья высокія, большущія! приляжешь ко пню головой, а въ деревѣ и загудить и зашуршить, словно вѣтеръ по лѣсу ходить; отнимешь ухо, ничего нѣту; это, говорять, макушка шумить, а во пнѣ, что въ трубѣ и слышно.

Слушали, слушали дѣти маленькую крестьянку, да и порѣшили въ голосъ, что въ деревнѣ хорошо, что и имъ хотѣлось бы побѣгать по лѣсу, покупаться въ студеномъ лѣсномъ ключѣ, да нарвать кукушечныхъ башмачковъ.

— А развѣ кукушкѣ ничего, когда рвутъ ея башмачки? спросилъ Тимоша, который съ дѣтства пріучался беречь все чужое.

— Ничего, отвѣчала Агаша, — потомъ, задумалась и прибавила: — Коли кукушкѣ не обидно, что рвутъ ея башмачки, то значитъ ей до нихъ и дѣла нѣть. — А за что же ихъ зовутъ кукушечими? за то, что они рябенькие, словно перо на кукушкѣ;

порѣшила дѣвочка, и вѣроятно не ошиблась въ своей догадкѣ.

— Пріѣзжайте-ка, барышни, къ намъ въ деревню, разгуляться, сказала Агаша. Всѣ троє вскочили отъ радости при этой мысли и, въ сопровождениі Агаши, побѣжали къ матери проситься въ гости, въ деревню. Отца уже не было дома, онъ ушелъ въ лабазъ; мать же помогала стряпать. Увидавъ Агашу, она велѣла ей позвать брата и поѣсть имъ обоимъ до отъѣзда; раскраснѣвшихся отъ настойчивыхъ просьбъ дѣтей, она успокоила тѣмъ, что вотъ, ужо отецъ придетъ, его—де просите, можетъ статься въ праздникъ когда и съѣздить съ нами. Весело разспостились дѣти; одни, отъѣзжая ко дворамъ, какъ говорять крестьяне, то есть домой, и везя матери нежданные гостинцы, другіе же, оставаясь въ радостной надеждѣ увидать нѣчто новое, диковинное, прекрасное, по понятію, какое они вынесли изъ рассказа Агаши о деревенскомъ привольѣ.

IV.

Солнышко низко клонится къ закату, жаръ замѣтно спадаетъ: на заваленкѣ, у избы, сидить Анна съ новой приживалкой своей, поджидаетъ ребята и толкуетъ о хозяйствѣ.

— Ужь садъ-то у тебя, больно запущенъ, говорить Арина, — видно успѣхи твои не берутъ; дай срокъ, я тебѣ его оправлю.

— Да, какъ не оправишь! сомнительно качая головой, сказала хозяйка, — за садомъ надо умѣлому человѣку ходить!

— Извѣстно, что умѣлому, а и пуще, что охочему. Вѣдь и мой садишко не самъ собой выросъ; каждый присадокъ сама садила; а безъ похвалыбы сказать, чай, супротивъ моего сада, по всему селу яблоковъ не найдешь, говорила старуха, припоминая прежнее житье бытье; — ужь чего-чего тамъ не было, и малинка и смородина, и сладко вишенье, барско кушанье!

— И у насъ, при старикахъ, всего много было, грустно промолвила Анна, — яблоки

до Рождества лежали, да опричь того, съ саду семьдесят рублевъ въ хороший годъ бирали; а нонѣ никто и не приступается снимать садъ, говорять: караулу не стоитъ! И все то это пошло со смерти старииковъ, словно они съ собою все унесли! — Нѣть, помолчавъ прибавила она, — еще при покойномъ свекрѣ, Божья воля градъ поськъ деревья, да такъ они съ тѣхъ поръ и не поправились.

— А я те вотъ что скажу, Анна Герасимовна, прибавила старуха съ вѣжливой лаской въ голосѣ, — ты теперь обсѣялась, ну, и новозъ вы посвозили, давайка-сь садъ прибирать; земля у тебя подъ яблонями больно задернѣла, мы ее вмѣстѣ съ ребятами поднимемъ да вспушимъ; верхосушникъ и подстой безпремѣнно вырѣжемъ; это я чай съ Кирюшой слажу сдѣлать, а нѣть, такъ кому нибудь изъ мужиковъ поклонимся, — не велико дѣло, небось сиротамъ пособять! — а дички привьемъ; я прививковъ изъ своего сада достану, на это деверекъ непоскупится, дастъ. — Какіе у меня тамъ

наливныя яблоки есть, продолжала старушка, — словно масло въ лампадкѣ, — сквозять! Ну, такъ вотъ мы до жнитва садъ устроимъ; этотъ годъ про себя яблочки соберемъ, а ужь на будущій коли Господь уродить, мы десятокъ другой въ продажу пустимъ.

Такія рѣчи ободрили Анну; она съ замѣтнымъ удовольствиемъ слышала, и предавалась надеждѣ. Бѣдную женщину давно никто не ободрялъ; если же приходили сосѣдки утѣшать ее, то ихъ утѣшенье заключалось во вздохахъ, слезахъ, и иногда оканчивалось подобными словами: «извелась ты, лебедушка, совсѣмъ извелась! знать, ты уже не жилица на бѣломъ свѣтѣ, воля Господня!» Слушая ихъ, Анна еще ниже опускала голову, и еще глубже вздыхала, думая о дѣтяхъ.

— Аннушка, ты все жалуешься, что голодаете вы на одномъ хлѣбѣ, сказала Арина, желая чѣмъ нибудь помочь своей хозяйкѣ; — дай-ка мнѣ мѣшечекъ овса, благо его въ закормѣ много, такъ я тебѣ, знаешь, какого толокна изготовлю! сладкаго

сь прижигой и крупнаго, не то, что у Скрыпниковыхъ, пыль пылью ъдять! Я тебѣ и мучки овсяной смелю, благо свои жерновки есть, хоть завтра кисель ставь! — Ладно, что ли? прибавила старуха, привѣтливо заглядывая въ опущенные глаза своей хозяйки.

— Коли неладно, тетушка Арина, отвѣчала та протяжно, — раздумывая, почему ей самой не пришло въ голову все то, о чёмъ такъ утѣшно говорила Арина. — Видно люди правду говорять, что кого Господь захочетъ наказать, отъ того и разумъ отниметь! сказала она вслухъ.

— И-и полно, матка моя, полно тебѣ на Бога грѣшить! разумъ твой при тебѣ остался, только горе да бѣда у тебя память отшибли; дай срокъ, оправимся по-маленьку!

Вдругъ, изъ-за угла, показалась пыль, и высоко и широко пошла по улицѣ; въ ней слышалось веселое блеяніе и мелкій топотъ овецъ, дружно бѣжавшихъ по своимъ дворамъ; за нимиувѣсисто шагали коровы, едва сторонясь отъ телеги, которая въѣхала

въ самую средину стада; Агаша пыталась соскочить, да нельзя, — куда ни повернется, вездѣ скотина, — такъ и рябитъ въ глазахъ! едва усидѣвъ отъ нетерпѣнья, она увидѣла наконецъ свою избенку, свой семейный пріютъ. Тамъ мать съ Ариной уже возились около коровы. Дѣти въѣхали въ ворота; во дворѣ послышались ихъ голоса, потомъ возгласы матери, потомъ что-то въ родѣ схлипыванья и радостнаго причитанья, въ которомъ высказалась восторженная благодарность крестьянки.

— Бабынъки, слышали-ль вы, что Аннина то корова за семь десятковъ пошла! говорила женщина, подошедшая къ толпѣ бабъ, на улицѣ.

— Эхъ, тетка Василиса, врать ты горазда! возразила другая. — Не што не при мнѣ они деньги примали, — чай, своими глазами видѣла: три красненькихъ, да одну синенькую, перебила ее первая.

— Намедни, чай ты видѣла, отзвалась Василиса, — да и я, небось, сегодня не ослѣпла, видѣла, какъ Кирюшка сейчасъ, при мнѣ, отдавалъ матери одну

красненькую да синенькую, да двѣ
рублевыя, вотъ что! купецъ то слышь
перепродаль корову, да барышъ то и
подѣлиль!

— Неужто! эко диво! Ай да Анна
Герасимовна! экое счастье навалило! Ну,
подавай ей Богъ, а то совсѣмъ было
извелась!

Бабы побѣжали къ Аннушкиной избѣ,
чтобы доподлинно узнать дѣло.
Крестьянскія дѣвочки, подруги Агаши,
также прибѣжали подъ окно разспросить
про городъ: — Агаша, выходи скорехонько!
кричали онѣ въ окно, — разскажи намъ,
какъ у нихъ все въ городѣ, да скажи и про
свой барышекъ!

— Незамайте ее, дайте на ночь дѣвочкѣ
Богу помолиться! говорила Арина, задвигая
окно.

А умаявшаяся Агаша, спить уже
крѣпкимъ, сладкимъ сномъ, и не видить
того, какъ послѣдніе лучи солнца
догораютъ на крѣстѣ церковномъ алой
звѣздочкой, какъ понемногу меркнетъ день,

а рѣки и луга покрываются рѣдкимъ туманомъ.

В. ДАЛЬ